

Владимир Владимирович Маяковский

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Трагедия

ПРОЛОГ ДВА ДЕЙСТВИЯ ЭПИЛОГ

ДЕЙСТВУЮТ:

Владимир Маяковский (поэт 20—25 лет).

Его знакомая (сажени 2—3. Не разговаривает).

Старик с черными сухими кошками (несколько тысяч лет).

Человек без глаза и ноги.

Человек без уха.

Человек без головы.

Человек с растянутым лицом.

Человек с двумя поцелуями.

Обыкновенный молодой человек.

Женщина со слезинкой.

Женщина со слезой.

Женщина со слезищей.

Газетчики, мальчики, девочки и др.

ПРОЛОГ

В. Маяковский

Вам ли понять,
почему я,
спокойный,
насмешек грозою
душу на блюде несу
к обеду идущих лет.

С небритой щеки площадей
стекая ненужной слезою,
я,
быть может,
последний поэт.
Замечали вы —
качается
в каменных аллеях
полосатое лицо повешенной скуки,
а у мчащихся рек
на взмыленных шеях
мосты заломили железные руки.
Небо плачет
безудержно,
звонко;
а у облачка
гримаска на морщинке ротика,
как будто женщина ждала ребенка,
а бог ей кинул кривого идиотика.
Пухлыми пальцами в рыжих волосиках
солнце изласкало вас назойливостью овода —
в ваших душах выцелован раб.
Я, бесстрашный,
ненависть к дневным лучам понес в веках;
с душой натянутой, как нервы провода,
я —
царь ламп!
Придите все ко мне,
кто рвал молчание,
кто выл
оттого, что петли полдней туги, —
я вам открою
словами
простыми, как мычанье,
наши новые души,
гудящие,
как фонарные дуги.
Я вам только головы пальцами трону,
и у вас
вырастут губы
для огромных поцелуев
и язык,

родной всем народам.
А я, прихрамывая душонкой,
уйду к моему трону
с дырами звезд по истертым сводам.
Лягу,
светлый,
в одеждах из лени
на мягкое ложе из настоящего навоза,
и тихим,
целующим шпал колени,
обнимет мне шею колесо паровоза.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Весело. Сцена — город в паутине улиц. Праздник нищих.
Один В. Маяковский. Проходящие приносят еду —
железного сельдя с вывески, золотой огромный калач,
складки желтого бархата.

В. Маяковский

Милостивые государи!
Заштопайте мне душу,
пустота сочиться не могла бы.
Я не знаю, плевков — обида или нет.
Я сухой, как каменная баба.
Меня выдоили.
Милостивые государи,
хотите —
сейчас перед вами будет танцевать
замечательный поэт?

Входит старик с черными сухими кошками.
Гладит. Весь — борода.

В. Маяковский

Ищите жирных в домах-скорлупах
и в бубен брюха веселье бейте!
Схватите за ноги глухих и глупых
и дуйте в уши им, как в ноздри флейте.
Разбейте днища у бочек злости,
ведь я горящий булыжник дум ем.
Сегодня в вашем кричащем тосте
я овенчаюсь моим безумием.

Сцена постепенно наполняется. Человек без уха.

Человек без головы и др. Тупые.

Стали беспорядком, едят дальше.

В. Маяковский

Граненых строчек босой алмазник,
взметя перины в чужих жилищах,
зажгу сегодня всемирный праздник
таких богатых и пестрых нищих.

Старик с кошками

Оставь.

Зачем мудрецам погремушек потеха?

Я — тысячелетний старик.

И вижу — в тебе на кресте из смеха
распят замученный крик.

Легло на город громадное горе
и сотни махоньких горь.

А свечи и лампы в галдящем споре
покрыли шепоты зорь.

Ведь мягкие луны не властны над нами, —
огни фонарей и нарядней и хлеще.

В земле городов нареклись господами
и лезут стереть нас бездушные вещи.

А с неба на вой человечьей орды
глядит обезумевший бог.

И руки в отрешьях его бороды,
изъеденных пылью дорог.

Он — бог,

а кричит о жестокой расплате,

а в ваших душонках поношенный вздошек.

Бросьте его!

Идите и гладьте —

гладьте сухих и черных кошек!

Громадные брюха возьмете хвастливо,
лознящихся щек надуете пышки.

Лишь в кошках,

где шерсти вороньей отливы,

наловите глаз электрических вспышки.

Весь лов этих вспышек

(он будет обилен!)

вольем в провода,
в эти мускулы тяги, —
заскачут трамваи,
пламя светилен
зареет в ночах, как победные стяги.
Мир зашевелится в радостном гриме,
цветы испавлинятся в каждом окошке,
по рельсам потащат людей,
а за ними
все кошки, кошки, черные кошки!
Мы солнца приколем любимым на платье,
из звезд накуем серебрящихся брошек.
Бросьте квартиры!
Идите и гладьте —
гладьте сухих и черных кошек!

Человек без уха

Это — правда!
Над городом
— где флюгеров древки —
женщина
— черные пещеры век —
мечется,
кидает на тротуары плевки, —
а плевки вырастают в огромных калек.
Отмщалась над городом чья-то вина, —
люди столпились,
табуном бежали.
А там,
в обоях,
меж тенями вина,
сморщенный старикашка плачет на рояле.

Окружают.

Над городом ширится легенда мук.
Схватишься за ногу —
пальцы окровавишь!
А музыкант не может вытащить рук
из белых зубов разъяренных клавиш.

Все в волнении.

И вот
сегодня
с утра
в душу
врезал матчиш гúбы.
Я ходил, подергиваясь,
руки растопыря,
а везде по крышам танцевали трубы,
и каждая коленями выкидывала 44!
Господа!
Остановитесь!
Разве это можно?!
Даже переулки засучили рукава для драки.
А тоска моя растет,
непонятна и тревожна,
как слеза на морде у плачущей собаки.

Еще тревожнее.

Старик с кошками

Вот видите!
Вещи надо рубить!
Недаром в их ласках провидел врага я!

Человек с растянутым лицом
А может быть, вещи надо любить?
Может быть, у вещей душа другая?

Человек без уха

Многие вещи сшиты наоборот.
Сердце не сердится,
к злобе глухо.

Человек с растянутым лицом

(радостно поддакивает)

И там, где у человека вырезан рот,
многим вещам пришито ухо!

В. Маяковский

(поднял руку, вышел в середину)

Злобой не мажьте сердце концы!
Вас,
детей моих,
буду учить непреклонно и строго.

Все вы, люди,
лишь бубенцы
на колпаке у бога.
Я
ногой, распухшей от исканий,
обошел
и вашу сушу
и еще какие-то другие страны
в домино и в каске темноты.
Я искал
ее,
невиданную душу,
чтобы в губы-раны
положить ее целящие цветы.

(Остановился.)

И опять,
как раб
в кровавом поте,
тело безумием качаю.
Впрочем,
раз нашел ее —
душу.
Вышла
в голубом капоте,
говорит:
«Садитесь!
Я давно вас ждала.
Не хотите ли стаканчик чаю?»

(Остановился.)

Я — поэт,
я разницу стер
между лицами своих и чужих.
В гное моргов искал сестер.
Целовал узорно больных.
А сегодня
на желтый костер,
спрятав глубже слёзы морей,
я взведу и стыд сестер
и морщины седых матерей!

На тарелках зализанных зал
будем жрать тебя, мясо, век!

Срывает покрывало. Громадная женщина. Боязливо.
Вбегает Обыкновенный молодой человек.
Суетится.

В. Маяковский
(в стороне — тихо)

Милостивые государи!
Говорят,
где-то,
— кажется, в Бразилии —
есть один счастливый человек!

Обыкновенный молодой человек
(подбегает к каждому, цепляется)

Милостивые государи!
Стойте!
Милостивые государи!
Господин,
господин,
скажите скорей:
это здесь хотят сжечь
матерей?
Господа!
Мозг людей остер,
но перед тайнами мира ник;
а ведь вы зажигаете костер
из сокровищ знаний и книг!
Я придумал машинку для рубки котлет.
Я умом вовсе не плох!
У меня есть знакомый —
он двадцать пять лет
работает
над капканом для ловли блох.
У меня жена есть,
скоро родит сына или дочку,
а вы — говорите гадости!
Интеллигентные люди!
Право, как будто обидно.

Человек без уха
Молодой человек,
встань на коробочку!

Из толпы
Лучше на бочку!

Человек без уха
А то вас совсем не видно!

Обыкновенный молодой человек
И нечего смеяться!
У меня братец есть,
маленький, —
вы придете и будете жевать его кости.
Вы всё хотите съесть!

Тревога. Гудки. За сценой крики: «Штаны, штаны!»

В. Маяковский
Бросьте!

Обыкновенного молодого человека обступают
со всех сторон.

Если б вы так, как я, голодали —
дали
востока и запада
вы бы глодали,
как гложут кость небосвода
заводов копченые рожи!

Обыкновенный молодой человек

Что же, —
значит, ничто любовь?
У меня есть Сонечка сестра!

(На коленях.)

Милые!
Не лейте кровь!
Дорогие,
не надо костра!

Тревога выросла. Выстрелы. Начинает медленно тянуть
одну ноту водосточная труба. Загудело железо крыш.

Человек с растянутым лицом

Если б вы так, как я, любили,
вы бы убили любовь
или лобное место нашли
и растлили б
шершавое потное небо
и молочко-невинные звезды.

Человек без уха

Ваши женщины не умеют любить,
они от поцелуев распухли, как губки.

Вступают удары тысячи ног в натянутое брюхо площади.

Человек с растянутым лицом

А из моей души
тоже можно сшить
такие нарядные юбки!

Волнение не помещается. Все вокруг громадной женщины.

Взваливают на плечи. Тащат.

Вместе

Идем, —
где за святость
распяли пророка,
тела отдадим раздетому плясу,
на черном граните греха и порока
поставим памятник красному мясу.

Дотаскивают до двери. Оттуда торопливые шаги.

Человек без глаза и ноги. Радостный.

Безумие надорвалось. Женщину бросили.

Человек без глаза и ноги

Стойте!
На улицах,
где лица —
как бремя,
у всех одни и те ж,
сейчас родила старуха-время
огромный
криворотый мятеж!
Смех!

Перед мордами вылезших годов
онемели земель старожилы,
а злоба
вздвухала на лбах городов
реки —
тысячеверстные жилы.
Медленно,
в ужасе,
стрелки волос
подымался на лысом темени времен.
И вдруг
все вещи
кинулись,
раздирая голос,
скидывать лохмотья изношенных имен.
Винные витрины,
как по пальцу сатаны,
сами плеснули в днища фляжек.
У обмершего портного
сбежали штаны
и пошли —
одни! —
без человеческих ляжек!
Пьяный —
разинув черную пасть —
вывалился из спальни комод.
Корсеты слезали, боясь упасть,
из вывесок «Robes et modes»¹.
Каждая калоша недоступна и строга.
Чулки-коготки
игриво щурятся.
Я летел, как ругань.
Другая нога
еще добегает в соседней улице.
Что же,
вы,
кричащие, что я калека?! —
старые,
жирные,
обрюзгшие враги!

¹ Платья и моды (фр.).

Сегодня
в целом мире не найдете человека,
у которого
две
одинаковые ноги!

Занавес

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Скучно. Площадь в новом городе. В. Маяковский
переоделся в тогу. Лавровый венок. За дверью многие коги.

Человек без глаза и ноги

(услужливо)

Поэт!
Поэт!
Вас объявили князем.
Покорные
толпятся за дверью,
пальцы сосут.
Перед каждым положен наземь
какой-то смешной сосуд.

В. Маяковский

Что же,
пусть идут!

Робко. Женщины с узлами. Много кланяются.

Первая

Вот это слезка моя —
возьмите!
Мне не нужна она.
Пусть.
Вот она,
белая,
в шелке из нитей
глаз, посылающих грусть!

В. Маяковский

(беспокойно)

Не нужна она,
зачем мне?

(Следующей.)

И у вас глаза распухли?

В т о р а я

(беспечно)

Пустяки!
Сын умирает.
Не тяжело.
Вот еще слеза.
Можно на туфлю.
Будет красивая пряжка.

В. Маяковский испуган.

Т р е т ь я

Вы не смотрите,
что я
грязная.
Вымоюсь —
буду чище.
Вот вам и моя слеза,
праздная,
большая слезища.

В. Маяковский

Будет!
Их уже гора.
Да и мне пора.
Кто этот очаровательный шатен?

Г а з е т ч и к и

Фигаро!
Фигаро!
Матэн!

Человек с двумя поцелуями. Все оглядывают.

Говорят вперевод.

Смотрите —
какой дикий!
Отойдите немного.
Темно.
Пустите!
Молодой человек,
не икайте!

Человек без головы

И-и-и-и...

Э-э-э-э...

Человек с двумя поцелуями

Тучи отдаются небу,

рыхлы и гадки.

День гиб.

Девушки воздуха тоже до золота падки,

и им только деньги.

В. Маяковский

Что?

Человек с двумя поцелуями

Деньги и деньги б!

Голоса

Тише!

Тише!

Человек с двумя поцелуями

(танец с дырявыми мячами)

Большому и грязному человеку

подарили два поцелуя.

Человек был неловкий,

не знал,

что с ними делать,

куда их деть.

Город,

весь в празднике,

возносил в соборах аллилуйя,

люди выходили красивое надеть.

А у человека было холодно,

и в подошвах дырочек овальцы.

Он выбрал поцелуй,

который побольше,

и надел, как калошу.

Но мороз ходил злой,

укусил его за пальцы.

«Что же, —

рассердился человек, —
я эти ненужные поцелуи брошу!»
Бросил.
И вдруг
у поцелуя выросли ушки,
он стал вертеться,
тоненьким голосочком крикнул:
«Мамочку!»
Испугался человек.
Обернул лохмотьями души своей дрожащее тельце,
понес домой,
чтобы вставить в голубенькую рамочку»
Долго рылся в пыли по чемоданам
(искал рамочку).
Оглянулся —
поцелуй лежит на диване,
громадный,
жирный,
вырос,
смеется,
бесится!
«Господи! —
заплакал человек, —
никогда не думал, что я так устану.
Надо повеситься!»
И пока висел он,
гадкий,
жаленький, —
в будуарах женщины
— фабрики без дыма и труб —
миллионами выделявали поцелуи,
всякие,
большие,
маленькие, —
мясистыми рычагами шлепающих губ.

В бежавшие дети-поцелуи
(резво)

Нас массу выпустили.
Возьмите!
Сейчас остальные придут,
Пока — восемь.

Я —
Митя.
Просим!

Каждый кладет слезу.

В. Маяковский

Господа!
Послушайте, —
я не могу!
Вам хорошо,
а мне с болью-то как?

Угрозы:

Ты поговори еще там!
Мы из тебя сделаем рагу,
как из кролика!

Старик с одной ошипанной кошкой

Ты один умеешь песни петь.

(На грудь слёз.)

Отнеси твоему красивому богу.

В. Маяковский

Пустите сесть!

Не дают. В. Маяковский неуклюже топчется,
собирает слезы с чемодан. Стал с чемоданом.

Хорошо!
Дайте дорогу!
Думал —
радостный буду.
Блестящий глазами
сяду на трон,
изнеженный телом грек.
Нет!
Век,
дорогие дороги,
не забуду
ваши ноги худые
и седые волосы северных рек!
Вот и сегодня —

выйду сквозь город,
душу
на копьях домов
оставляя за клоком клок.
Рядом луна пойдет —
туда,
где небосвод распорот.
Поравняется,
на секунду примерит мой котелок.
Я
с ношей моей
иду,
спотыкаюсь,
ползу
дальше
на север,
туда,
где в тисках бесконечной тоски
пальцами волн
вечно
грудь рвет
океан-изувер.
Я добреду —
усталый,
в последнем бреду
брошу вашу слезу
темному богу гроз
у истока звериных вер.

Занавес

ЭПИЛОГ

В. Маяковский

Я это все писал
о вас,
бедных крысах.
Жалел — у меня нет груди:
я кормил бы вас доброй нененькой.
Теперь я немного высох,
я — блаженненький.

Но зато
кто
где бы
мыслям дал
такой нечеловечий простор!
Это я
попал пальцем в небо,
доказал:
он — **вор!**
Иногда мне кажется —
я петух голландский
или я
король псковский.
А иногда
мне больше всего нравится
моя собственная фамилия,
Владимир Маяковский.

1913